

Противоречивость институциональной среды как следствие социально-экономических инноваций при смене политической элиты

Колтуновский К.И.¹, Иванова В.Н.²

1 - Московский государственный университет приборостроения и информатики, Москва, Россия, *E-mail: fallout5@rambler.ru*; 2 - Институт социологии РАН, Москва, Россия, *E-mail: vere85@mail.ru*

Анализ результатов социологических исследований, осуществленных с начала 1990-х гг. сотрудниками Института социологии РАН, обнаружил процессы и явления, не укладывавшиеся в рамки существующих теоретических интерпретаций, а потому казавшихся парадоксальными. В регламентированном пространстве федерального управления оказывалась неожиданная свобода и разнообразие действия, а в образцово свободном голландском гражданском обществе легко прослеживались унифицирующие стандарты и жесткость почти технологических алгоритмов. Приписываемый российскому народу патернализм оборачивался сознательной отстраненностью от власти и самостоятельным обустройством собственной жизни. Учителя и врачи удивляли наших западных коллег тем, что продолжали учить и лечить в 1990-е гг. практически без зарплаты, стирая грань между профессиональным и гражданским действием. Подобных наблюдений накопилось много, они подтверждались данными, полученными другими российскими учеными, но вместе с ними не соответствовали сложившейся в научном и политическом дискурсе картине мира, в которой свобода и модернизация отведена Западу, а России предписан традиционализм, склонность к подчинению и сакральность власти. Этот конструкт устойчив и почти аксиоматичен. В политике с ним согласны либералы и консерваторы, западники и патриоты, различаясь лишь в его оценке. Противоречащая ему эмпирика воспринимается как некий экзотический казус, как единичный, а потому нетипичный случай, а чаще просто игнорируется [1, с. 8]. Анализ социальных отношений в период ВОВ в России выявил аналогичные противоречия между задекларированными институтами гражданского общества и реальной институциональной практикой [2].

При этом возникает по этому поводу ключевой вопрос - чем или кем определяется характер институциональной среды или характер гражданского общества конкретной страны. Резонно предположить, что такая среда формируется элитой той самой страны. А противоречивость институциональной среды является следствием противоречивости статуса этой самой элиты. Адекватность различных интерпретаций обусловлена спецификой той области социального знания, в рамках которой ведется исследование [3, с. 97]. Поскольку специфическая область нашего исследования - как влияет облик элиты на функционирование гражданского общества и, в итоге, на социальные отношения, обусловленные конкретными особенностями институциональной среды, то для нас важным интегральным фактором, обуславливающим властное положение элиты, является ее *легитимность*. В качестве параметра обратной связи между элитой и обществом следует рассматривать эффективность элиты в управлении обществом. При этом сама подобная эффективность будет зависеть напрямую от восприятия обществом легитимности элиты.

Но в то же время легитимность собственности предопределяется легитимностью статуса самих собственников. И здесь выявляется своего рода противоречие, что-то типа *заколдованного круга*. Пока кто-то не имеет собственности - он не может рассчитывать на значительный социальный статус. И в то же время пока у кого-то нет специфического, «элитарного», социального статуса он не может легитимно приобрести и впоследствии владеть этой собственностью. Ведь не секрет, что любая значительная собственность имеет как минимум сомнительное прошлое в обычном понимании общества, а то и просто

полукриминальное происхождение. Формы и механизмы разрешения на практике в процессе циркуляции, а тем более смены элиты, этого противоречия в каждой исторической ситуации имеют свои специфические особенности, которые обязательно включают в себя эвристические начала. Для разрешения такого противоречия в рамках элитарных сообществ практикуются самые различные, при этом порой нетривиальные, решения, своего рода социальные инновации. Это может быть и шантаж, и физическое устранение соперников, и семантический подлог, и коллаборационизм, и особые заслуги на военной либо дипломатической службе, и династический брак и вмешательство иностранных государств и т.п. И именно эти самые особенности исторического разрешения противоречия легитимности в итоге и определяют облик институтов того либо иного гражданского общества. А на базе этих институтов как раз и формируется институциональная среда, которая, в свою очередь, определяет характер социальных отношений в этом обществе на всех его уровнях и во всех сферах деятельности, включая и наиболее чувствительную в этом отношении - сферу инновационной деятельности.

Если принять такую именно концепцию для анализа 70-летнего периода советской власти в России, то события Октябрьского переворота 1917 года и события Перестройки 1991 года следует рассматривать как единый процесс по смене элиты, который начался свержением самодержавия, а закончился приватизацией, так называемой государственной собственности, в пользу вновь создающейся из бывших управленцев - российской современной элиты. Такое разнесение во времени процесса смены российской элиты с буржуазно-помещичьей на «новорусскую» позволяет более детально рассмотреть процессы смены элит, обратив внимание на роль отчуждения и присвоения собственности при такой смене, роль зарубежной элиты, роль народных масс. А самое главное - роль временного управляющего отчужденной собственностью, роль приращения этой собственности в период отчужденности, формы приобретения собственности в новых ее объемах. На основе проведенного анализа по последней смене элиты в России нами была построена принципиальная модель, обобщающая подобные, несомненно, инновационные, процессы, которая представлена на Рисунке.

Сформулирован постулат об исторических истоках формирования и динамики институциональной среды через форму разрешения противоречия легитимности элиты. При этом показано, что форма разрешения указанного противоречия предопределяет уровень легитимности новой элиты, который, в свою очередь, ответственен за содержание и свойства вновь формируемой институциональной среды и, в частности, - за ее инновационный потенциал.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Теоретические и методологические основы экономики совместного потребления и возможности ее реализации в РФ» № 20-010-00180 «а».

Источники и литература

- 1) Аксенова О.В. Парадигма социального действия: профессионалы в российской модернизации: [монография]. – М.: Институт социологии РАН, 2016. – 304 с.
- 2) Иванова Е.Н. Диалектика тоталитаризма // От Сциллы к Харибде. Актуальный опыт России: В 2 т. / Под ред. Ю.М. Осипова и др. — М.; Волгоград: Изд-во Волгоградского ун-та, 2002. Том 1. — 448 с. С. 396-409.
- 3) Гаман-Голутвина О.В. Политическая элита: определение основных понятий элитологии // Полис. 2000. № 3. С. 97-103.

Иллюстрации

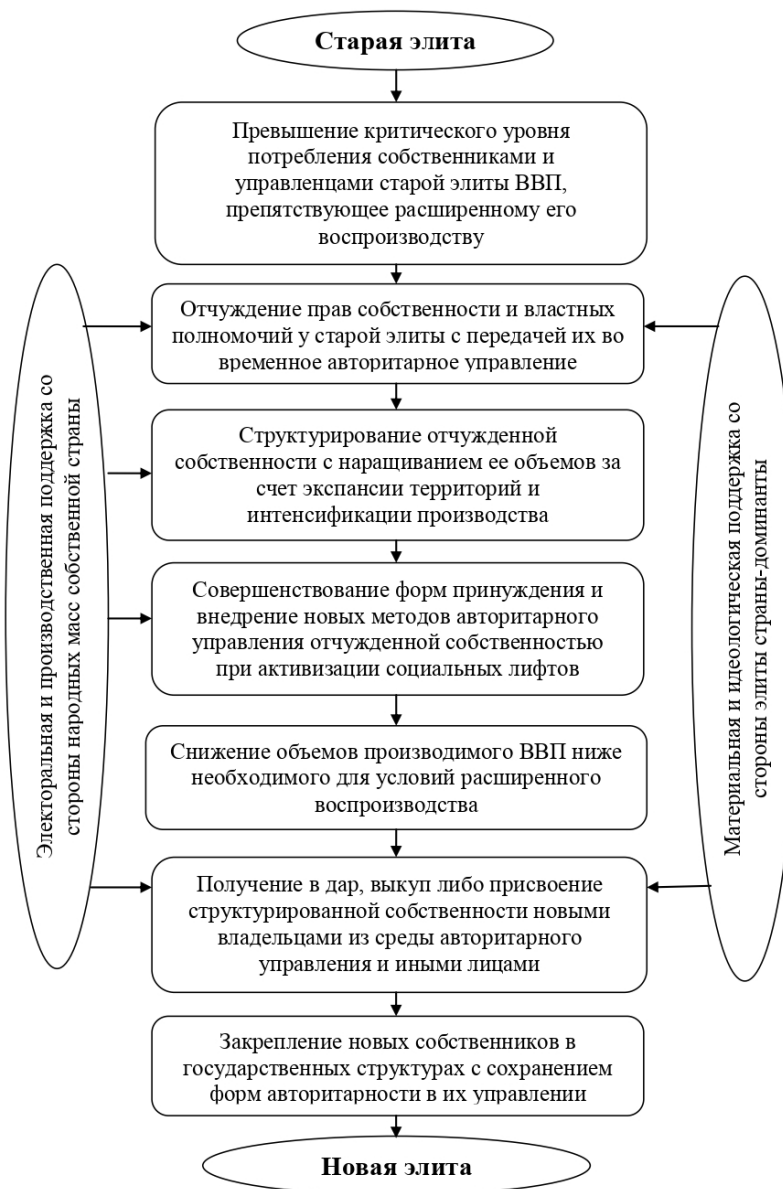

Рис. 1. Принципиальная модель смены политических элит